

УДК 801

«СТРАХ БОЖИЙ» И «СТРАХ ЦАРСКИЙ» В ТЕКСТАХ ПОВЕСТЕЙ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

А.В. Михайлов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В данной статье авторы анализируют конструкции с семантикой страха перед царской властью и Богом на материале древнерусских повестей Смутного времени и классифицируют способы представления подобных конструкций.

Цель статьи состоит в анализе представленности эмоциональных и рациональных понятий страха Божия и страха царского (перед царем и самого царя) в древнерусских текстах и выявлении их оценочных, коммуникативно-прагматических и риторических смыслов.

Обзор научной литературы включает исследования: [Гришин, 2015; Пустовойт, 2017, Антонов, 2009; Богатырев, 2020, Адрианова-Перетц, 1958; Берман, 1982, Лихачев, 1951, Колесов, 2019; и др.].

Материалы и методы. Методы работы: семантический анализ оценочных и экспрессивных высказываний, включающих в себя эмотивы страха, анализ и экспликацию ценностей авторов древнерусских текстов путем изучения коммуникативно-прагматических и риторических смыслов, выраженных в Повестях Смутного времени. Выявлено 112 контекстов с семантикой страха. Исследование проводится методом ситуационного анализа. В текстах повестей разбираются ситуации страха, характеризуются виды страха в зависимости от субъекта страха, объекта – источника страха, причины и последствия страха.

Результаты исследования. Выделены и проанализированы следующие конструкции с семантикой страха: *страх Божий, страх царский, страх, трепет и ужас во время видений, страх перед иноземными захватчиками и внутренними врагами, страх, возникающий вследствие различных бедствий.*

Выводы. Анализ приводит к выводу о том, что страх Божий и страх царский имеют разные смыслы, при этом связанные друг с другом. Страх перед благим властителем имеет положительные коннотации. Страх перед неблагим властителем (проявляющийся в «молчании» окружающих) осуждается книжниками и оправдывается ими вследствие жестоких действий со стороны царей. Страх перед правителем представлен книжниками как характерный для всего населения, но в основном ближайшего окружения правителей. В отличие от «царского» страха, страх перед иноземными врагами, различными внутренними врагами, разбоем, голодом и другими бедами был действительно всеобщим и касался всего Русского царства.

Ключевые слова: *тексты Повестей Смутного времени, страх Божий, страх перед царем, оценочные предикаты, конструкции с семантикой страха, ситуации страха.*

Постановка проблемы. Понятие страха в древнерусских текстах исследуется в работах различных направлений. Страх как одна из основных эмоций присутствует в различных культурах и в различные временные периоды. Проблема страха обсуждается в философии и культурологии [Гришин, 2015;

Пустовойт, 2017], см. также сборник статей по итогам конференции 17–18 мая 2019 г. «Антропология страха» в рамках программы «Антропологизация гуманитарных и социальных наук» в Европейском университете в Санкт-Петербурге [Антропология..., 2019]. Появляется много исторических исследований, изучающих феномен страха в Древней Руси [Антонов, 2009; Богатырев, 2020], включая и диссертации¹, также [Борисова, 2020].

Литературоведческие работы имеют большую традицию в области изучения эмоций древнерусского человека, см., например, работы [Адрианова-Перетц, 1958; Берман, 1982; Лихачев, 1951]. Современные исследования продолжают «антропоцентрическое» направление изучения текстов Древней Руси [Туфанова, 2019].

Лингвистические подходы к изучению эмоциональной жизни человека русского Средневековья связаны с описанием его ментальности, отраженной в языке.

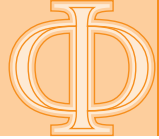
Т.И. Вендина, реконструируя языковое сознание средневекового человека, отмечает, что в этот период чувство страха «было особенно обостренным, поскольку человек воспринимал себя как существо греховное, а тревога и страх исходят из грехопадения» [Вендина, 2002, с. 256]. Исследователь обращает внимание на то, что «напряженное языковое пространство страха, как и многие другие абстрактные концепты старославянского языка, строилось на противопоставлении божественного и земного» [Там же].

В.В. Колесов рассматривает семантику страха и ужаса в древнерусском тексте. Описывая «конкретно-чувственные истоки переживаний страха: бить, возбуждать, трепать, цепенеть», он обращает внимание на то, что «социальная жизнь общины и моральные обязательства перед обществом наложили свой мощный отпечаток на первоначальные инстинктивные ощущения страха, испытываемые человеком» [Колесов, 2019, с. 369]. Ученый отмечает, что развиваются новые представления, связанные со страхом. Эти ощущения закрепляются в «градуированной иерархии»: *полох – трепет – страх – ужас*. В средневековых русских текстах дифференцируются понятия страха, боязни, трепета, страха Божьего, страха как формы правления (и в государстве, и в семье), ужаса как реакции «на столкновения с тайной Божией» [Колесов, 2019, с. 368–370].

Л.А. Калимуллина в своей работе, посвященной истории эмотивов в русском языке, подчеркивает, что большинство древнерусских эмотивов, в том числе входящие в микрополе страха: *бояться* (в т.ч. от кого, чего), *опасаться* (в т.ч. о чем), *ужасаться*, *трепетати*, *блестися*, *обиноватися* и т.д., – не имеют четкой противопоставленности по критерию интенсивности эмоций [Калимуллина, 2006, с. 260–261].

Исследователь обращает внимание на определенную диффузность значений и именных лексем *страхъ*, *страхование*, *боязнь*, *боязньство*, *трепетъ*, *ужась*, *опасъ*, *гроза*, *обиновение*, семантика которых включает в себя набор разных эмотивных значений, например «эмоционального состояния страха

¹ Борисова С.А. Представления о страхе в книжности домонгольской Руси: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2022. 32 с.

и интеллектуальной эмоции опасения», а лексема *гроза* характеризуется различными комплексными значениями [Калимуллина, 2006, с. 261].

В работе М.А. Бурякова исследование происхождения и развития эмотивного значения основывается на наблюдениях над древнерусскими эмотивными суждениями и предикатами. Он обращает внимание на то, что семантика таких предикатов отражает не только внутренний мир человека, они «служат для описания событий, окрашенных... соответствующим эмоциональным восприятием» [Буряков, 2024, с. 5]. Вследствие множественности элементов эмоциональной ситуации в древнерусском языке существует много способов обозначения одной эмоции (так называемая «подобозначность»).

В работах, посвященных проблемам аксиологической лингвистики в древнерусских текстах, рассматриваются взаимоотношения семантики эмотивов, ценностных доминант и способов выражения оценки [Дмитриева, 2024; Михайлова, Михайлов, 2024].

Авторы статьи понимают «страх» как комплекс эмоций, проявляющихся в специфической ситуации опасений персоны или сообщества перед лицом обстоятельств непреодолимой силы за жизнь, собственную безопасность, за выживание социального строя государства в целом, за сохранность сообщества.

Смутное время в истории Русского государства отличается особым драматизмом событий. Древнерусские книжники, писавшие свои тексты либо во время Смуты, либо спустя небольшое время после, были участниками этих событий. С одной стороны, их тексты наполнены собственным восприятием и оценками очевидцев, с другой – их рефлексия (не у всех) была скорректирована последующим приходом к власти рода Романовых.

Страхом и ужасом наполнены многие описания в текстах повестей Смутного времени. Современные исследователи древнерусских текстов изучают различные формы социальных девиаций (отклонений от общественных норм), отраженных в исторических повествованиях, так называемые «девиантные» тексты [Туфанова, 2024].

В указанных повестях описано большое количество ситуаций, относящихся к девиантным, вызывающих в качестве реакции страх и ужас. Эти эмоциональные состояния могут охватить как отдельного человека, так и определенные социальные группы, представленные в текстах. Оценочные смыслы сопутствуют описанию эмоциональных состояний субъектов, что позволяет авторам проявить свою точку зрения на ситуацию Смуты.

В относительно большом количестве конструкций с семантикой страха (112 контекстов), представленных в Повестях Смутного времени, можно выделить такие виды страха, как *страх Божий*, *страх царский*, *страх*, *трепет* и *ужас во время видений*, *страх перед иноземными захватчиками и внутренними врагами*, *страх*, возникающий *вследствие* различных бедствий (голод, пожары, разбои, грабежи, убийства и т.п.).

Цель данной статьи – семантический анализ оценочных высказываний, включающих в себя эмотивы страха, анализ и экспликацию ценностей авторов

древнерусских текстов путем изучения коммуникативно-прагматических и риторических смыслов, выраженных в повестях Смутного времени.

Методы и материал исследования. Методы работы включают в себя семантический анализ оценочных высказываний страха, метод ситуационного анализа. В текстах повестей Смутного времени отбираются конструкции, репрезентирующие ситуации страха. В корпусе из 19 повестей, вошедших в 13-й том указанного выше издания, вычленено 112 контекстов с семантикой страха. В настоящей работе процитированы 16 фрагментов из 7 повестей.

Далее выделены виды страха в зависимости от субъекта (кто испытывает страх), от объекта (по отношению к кому испытывается страх), причины и последствия страха. Виды страха, отраженные в повестях, имеют свою историческую конкретику, без упоминания которой не всегда понятны испытываемые человеком эмоции страха в период Смуты. Кроме того, при анализе текстов повестей нами учитывалось, что описания событий Смуты и их оценки были созданы книжниками – очевидцами и участниками описываемых событий.

Результаты исследования

1. *Страх Божий.* Страх перед Богом – важное понятие для христианина. Древнерусские книжники описывали события, предварявшие период Смуты, а потом саму Смуту, опираясь на православные представления об ответственности каждого человека за свои мысли, чувства, поступки. Царь держит ответ перед Богом за державу и своих подданных, как, в частности, говорится в трактате VI в. дьякона Агапита, известном на Руси. Бог, по мнению Агапита, «дал императору власть, чтобы он научил людей хранить справедливость. В этом заключается смысл императорской власти», «недостатки и грехи императора приносят вред не только ему одному, а отражаются непременно на всем государстве» [Вальденберг, 2006, с. 55].

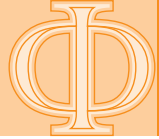
Эти идеи об особой роли страха Божия и страха «царского» были хорошо усвоены древнерусской интеллектуальной элитой. Во времена Смуты идеи о важности того, что благой царь имеет благие мысли, чувства и совершает благие деяния, и потому его держава процветает, а враги боятся, стали особенно актуальными.

И даже если царь жестокий, но в вере крепок, он, по мнению книжников, выполняет свою главную задачу – сохранение порядка в государстве:

(1) *И много времени сего бысть собраниа злодеемъ отъ летъ царя Ивана Васильевича, даже и до Розстриги Гриши; разумомъ же и жестостию царя Ивана Васильевича не смеюще двизатися таковии змиеве; царь же Феодоръ, яко ужемъ твердомъ, молитвою своею всехъ связает².*

Страх как обязательный элемент государственного управления в представлении средневекового общества опирался на понятие иерархического подчинения: Бог – царь – подданные. В основе строгой иерархии лежит понятие «страх

² Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына... // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 482.

Божий». Эта иерархия обязательна при правлении благого царя. Неблагочестивый же царь разрушает эту выстроенную систему.

Исследователи отмечают присутствие в древнерусской культуре оппозиции «страх Божий» vs «страх перед каким-либо жизненным явлением, событием, человеком» [Борисова, 2020].

Божий Страх, описанный в библейских текстах, избавляет от других видов страхов: «Боязливость есть уклонение от веры, в ожидании нечаянных бед» [Иоанн Лествичник, 2013, Слово 21, п. 2, с. 251]. Страх Божий связан с «сознанием личной ответственности перед Богом человека, пребывающего в боязни греха, проявляемой как благоговение, благочестие и послушание»³. Страх Божий делает человека в земной жизни бесстрашным. Помнить о страхе Божиим – это значит помнить о смерти и Божьем суде.

Обращение к ценности страха Божия присутствует во многих высказываниях, имеющих негативный смысл. Это ценностное понятие может выражаться с помощью нескольких словосочетаний: *забыть страхъ Божий, страхъ и судъ Божий, (не) убояться Бога, отъ Бога судъ принять* и под.

Рассказывая о появлении у Бориса Годунова намерения убить царевича Дмитрия, автор создает цепочку из оценочных высказываний, среди которых есть словосочетание *забыть страхъ Божий*:

(2) *не наполнилъ своя утробы, а сколько неповинныхъ людей пояде, крови полакалъ, аки пещь, забывъ окаянный богоотступникъ страхъ Божий, и восхотель царские крови испити*⁴.

В той же повести в риторическом обращении используется традиционная оппозиция (польза себе / великая погибель) для усиления идеи страха Божьего:

(3) *О Борисе! како ты не убоился Бога, сие сотворилъ не на ползу себе, но на великую погибель?*⁵

Иван Тимофеев объясняет страшные пожары в Москве происками Бориса: *не отъ Бога убоися*, указывает, что Борис *умыслительнымъ* повелением приказал поджечь богатые дома столицы в самый полдень, и многие не успели спастись, погибли *раждающие матери со младенцы огня злостию*.

Интересно, что апелляция к страху Божьему часто используется при описании действий «властолюбца» Бориса, но почти никогда не появляется в контекстах, связанных с Гришкой Отрепьевым, вероятно, вследствие восприятия последнего как явления «антихриста», к которому это понятие неприменимо.

Понятие страха Божьего в повестях Смутного времени тесно связано с семантикой всеобщего молчания. Книжники с горечью констатируют, что страх перед грешником, неблагим правителем оказался сильнее страха Божия.

³ Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. С. 342.

⁴ Сказание о царстве Федора Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 764.

⁵ Указ. соч. Стлб. 789.

По Авраамию Палицыну, страх людей заступиться за обижаемый боярский род порождает события, сотворенные Господом в назидание и вызывающие у людей состояние ужаса.

Тема молчания из-за страха связана с понятием воздаяния за пролитую кровь во многих текстах повестей о Смуте. «Кровь» сочетается с понятиями ме-сти, наказания, Божьего суда. Книжники связывают причинно-следственной свя-зью пролитие крови младенца из царствующего рода, необличение «святоубий-цы» и последующие беды Московского царства: *за грехи наша, ради страсти въ молчании, всехъ немужство*.

Для таких контекстов характерны словосочетания, характеризующие дей-ствия Божественного субъекта: *изволилъ, попустилъ, поущение, отъ Бога судъ отомстить*. Обращение к понятию Божьего страха присутствует и при описании различных народных волнений.

Страх Божий должен помочь пересилить страх перед внешними и внутрен-ними врагами и «губителями» Русского царства, как писалось в «Новой повести о преславном Российском царстве». Эта повесть, как известно, была создана в нача-ле 1611 г., в период «семибоярщины» и оккупации польских интервентов на фоне широко распространенных в стране агитационных патриотических грамот, и по-тому в ее текстах присутствуют многие черты агитационных грамоток и воззваний.

Правда, как отмечает исследователь, «вместо обычных для воззваний всего периода интервенции обращений с точным указанием социальной принадлеж-ности адресатов, автор “Новой повести...” начинает свое агитационное произве-дение обобщенным обращением к “православным христианом”» [Дробленкова, 1960, с. 96].

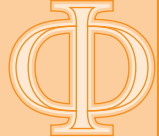
В тексте актуализировались смыслы о защите православной веры всем народом и о необходимости всем поддержать Гермогена в его противостоянии. В целом религиозная семантика представляет характерную черту патриотических воззваний этого периода, опирающихся на церковную лексику [Дробленкова, 1960, с. 80–81].

Императивные смыслы этой повести-воззвания строились на обращении к тем, кто готов *за православную свою веру стояти до крове*⁶. Один из аргумен-тов этого текста – апелляция к идее преодоления страха, с тем чтобы *отъ Бога не отступить* и душами своими *не пасть*. Авторы приводят в пример действия патриарха Гермогена, *разумного и твердого адаманта*, который всех *укрепляет и поучает, чтоб страха и прещения не боялися* и душами своими *отъ Бога не отщтитися*:

(4) *Сами вси видите <...> давно бы страха ради прещения отъ Бога от-ступили, душами своими пали и пропали*⁷.

⁶ Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 188.

⁷ Указ. соч. Стлб. 199.

В призывах повести постоянно присутствует противопоставление «смерть» / «вечная жизнь»; «бояться умереть» / «страх отступить от Бога».

2. *«Царский» страх*. В Смутное время мы знаем нескольких венчанных на царство правителей до воцарения Михаила Романова: Борис Годунов в 1598 г., Лжедмитрий в 1605 г., Василий Шуйский в 1606 г. Это были, казалось бы, легитимные цари, имеющие свои истории получения царской власти на российском престоле. При этом тексты повестей Смутного времени выражают отрицательные оценки относительно этих персон, исключая Василия Шуйского (зависит от времени создания текстов). Кроме того, во многих текстах Смутного времени рассказывается о царствованиях Ивана IV и Федора Ивановича (часто в целях пояснения появления Смуты).

Страх перед великим царем. Как уже отмечалось выше, согласно библейским представлениям, страх перед благим царем подобен страху человека перед Богом и потому держит порядок в государстве. Дьяк Иван Тимофеев в начале своего Временника уделяет много внимания пояснению этой мысли:

(5) ...елико по Писанию быти достоинъ ко своимъ владыкомъ рабомъ повиннемъ во всехъ служебне не уже до крове токмо, но и **до самая смерти быхомъ имъ самопослушнии**⁸.

В конце своего повествования, после описания трагических событий Смуты, которые Российское царство испытало по причине разрушения принципа «благой царь – благие подданные», он яростно осуждает *огнь самовластия* города Пскова и *прочихъ городовъ*, потерявших страх перед царем-«пастырем»:

(6) ...паче не восхотевшемъ имъ учиненымъ во градахъ отъ Бога царей сущимъ властемъ повиноватися и покаряти, но безначално желяющимъ и безъ строения самовласно, разбойнически во всемъ жителствующе <...> **сами собою водитися умыслиша**⁹.

По причине сохранения в царстве «правой веры во Христа» и «Троического поклонения во единстве» царя Ивана Васильевича он считает «превеликим» царем и потому не осмеливается подробно рассказывать о его жизни из-за величия его сана. Царь Иван, как верный слуга церкви, был непоколебим в стоянии за веру и сумел держать людей в страхе:

(7) Оно же и **совершень страхъ ему на люди приемишу**¹⁰.

Как видим, страх перед царем Иваном IV в основном имеет положительные оценочные коннотации.

⁸ Временник Ивана Тимофеева // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 262.

⁹ Указ. соч. Стлб. 418.

¹⁰ Там же.

Страх и печаль из-за смерти царевича. Убийство царевича Дмитрия Борисом Годуновым – действительный ли факт или удачная выдумка боярско-аристократического клана в борьбе с «высочкой» Годуновым – послужило пропагандистским мифом, легшим в основу официальных исторических нарративов с приходом к власти рода Романовых. Описание этого события относится к одним из постоянных топосов повестей.

Эмоциональное состояние, появившееся у «народов московских» вследствие смерти царевича Дмитрия, связано с высокой степенью интенсивности чувств ужаса и печали. В описании появляется традиционная формула *ужасатися страхомъ*. Лексема «ужас» по происхождению обладает значениями ‘угаснуть, подавить, кончиться’ – в результате некоего изумления [Колесов, 2019, с. 367]. (В.В. Колесов обращает внимание на то, что современные западные славянские языки сохранили значение ‘изумляться, поражаться’. – *Прим. авт.*) По наблюдениям В.В. Колесова, в древнерусском языке ужас близок к отчаянию, смятению и даже иступлению [Колесов, 2019, с. 367].

В повести князя С.И. Шаховского такое же состояние людей после смерти царевича передается с помощью понятий скорби и печали:

(8) ... и *оскорбешася* вси людие зело¹¹.

Страх перед неблагим царем.

Борис Годунов в текстах представлен как царь, «восхитивший» престол. Оснований для такого восприятия у книжников было много, хотя все они, видимо, могут вызывать определенные сомнения. Тем не менее авторы повестей относятся к Борису как к «окаянному святоубийце».

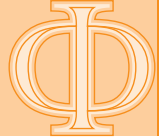
Тексты о Борисе Годунове описывают страх, который испытывали люди, окружавшие его в разные периоды жизни: когда он был правителем при царе Феодоре Ивановиче, когда он избирался на царство и когда стал царем Московского государства. Во всех описаниях этих периодов указания на страх присутствует обязательно: *великий страхъ, смертный страх, Борисовъ страх, неповинная погибель, безумное молчание, не смеюще глаголати о неповинныхъ погибели*.

Понятие страха может быть представлено в парных наименованиях: *страхъ и ужась, страхъ и гроза, страхъ и трепеть, страхъ и печаль*:

(9) и повеле на всехъ путехъ... *стражие крепки поставити и страхомъ великимъ и грозою запретити, да никто же пропущень будетъ и известить царю о семъ*¹².

¹¹ Повести князя Семена Ивановича Шаховского // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 852.

¹² Житие царевича Димитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Германа Тулупова // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 902.

Реже встречается триада наименований, имеющих семантику страха:

(10) *И нападе во граде Угличе **страхъ** велий, и **трепетъ**, и **боязнь** во всемъ народе все **боятся**: кто молвить правду, того велитъ безъ милости казнить*¹³.

Возможны сочетания друг с другом парных наименований, близких по смыслу: *страхъ и трепетъ* и *плачь и рыдание*. Когда Борис некоторых из боярских родов (в том числе и из Романовых) отправлял в ссылку, некоторых *повеле безъ pytania казнить*, автор Сказания описывал высокий уровень страха, используя одновременно несколько парных наименований:

(11) *И на всехъ наиде **страхъ** и **трепетъ** и **плачь** и рыдание велие, и вси стали **страху его боятися** и волю его во всемъ чинити и слушати повеления его*¹⁴.

Древнерусские книжники, анализируя причины прихода к власти Бориса, считали, что он владел искусством создавать свою систему устрашения.

Одно из главных последствий страха – молчание людей, знающих правду. В одной из первых работ, посвященных всеобщему страху конца XVI–XVII вв., это явление было названо «безумным молчанием» [Яковлев, 1909; Солодкин, 2021]. В текстах показывается, что очевидцы боялись сказать правду из-за угроз Бориса.

Авторы повестей часто поясняют появление у Бориса желания *восхитить* московское царство страхом людей сказать правду об убиении царевича Дмитрия – *не смеяху глаголати **страха ради смертнаго***. В текстах показана рефлексивная (*видит, мыслит, помышляет*) и эмоциональная (*возгордися*) реакция Бориса на страх окружающих.

Иван Тимофеев, анализируя систему страха, созданную Борисом, изумлялся, как *вси величайшии отдревле столпы* (князья) бездействовали в выступлении против агарян, охваченные страхом перед этим властолюбцем: *они токмо имя и место паче оногo имяху, сущестvomъ же отнюдъ ни в чемъ не действени*¹⁵. Тимофеев объясняет такое явление путем сравнения пчел и матки (князья и бояре – пчелы; управитель Годунов – матка).

Иван Тимофеев далее заключает: *такo той единъ онехъ всехъ преоблада* ('так один он властвовал над всеми').

В контекстах, посвященных Борису, описание страха постоянно переплетается с описаниями лжи, лести, славолюбия: *хваление словесъ, притворное погнание, славоловитель, притворное свое мудрование*.

Появляется образ паутины, сотканной из ложной славы Бориса, наброшенной на царя Феодора и ближний круг царя: *яко въ **паучиномъ** ткани, славолюбия одежду*¹⁶. Борис *обволакивал* людей лаской, дарами, мздою и в конечном счете

¹³ Сказание о царстве Федора Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 775.

¹⁴ Указ.соч. Стлб. 763–764.

¹⁵ Временник Ивана Тимофеева // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 308.

¹⁶ Указ. соч. Стлб. 310.

страхом. О такой же системе страха, используемой Годуновым уже после прихода на царствие, говорит и Авраамий Палицын.

«Борисов» страх в ПСВ – это страх перед хитрым, умным, владеющим своей системой устрашения правителем, который на первое место поставил свое желание власти и славы. Лишь в некоторых текстах мы можем видеть положительную оценку страха перед Борисом. В повести князя Катырева-Ростовского с одобрением отмечается наступление порядка и повиновения царской власти после венчания на царство Бориса:

(12) *И потомъ утвердися рука его на всемъ Московскомъ царстве, и нападе **страхъ** и **трепетъ** велий на вся люди, и начаша ему верно служити отъ мала даже и до велика*¹⁷.

Страх перед самозванцем. Как и при описании *Борисова страха*, страх перед самозванцем постоянно сопровождается молчанием людей. Многие авторы повестей обвиняли своих современников именно в необличении самозванца (например, Авраамий Палицын обвинял в этом настоятеля Чудова монастыря Пафнутия, в котором был иноком Григорий Отрепьев).

Однако контексты, связанные с описанием страха, вызванного самозванцем, имеют и свою отличительную особенность. Первые появления Отрепьева в качестве настоящего царевича Дмитрия у некоторых вызывали радость, у некоторых сомнения, у некоторых сильное недоверие.

При этом *грады ему везде отворяху* и относились к нему с почтением, *якоже подобаетъ царскому величеству*. Многие с радостью встречали, *чающе его истиннаго природнаго своего государя царя*. В текстах часто подчеркивается, что многие города повиновались расстриге по свободному желанию:

(13) *Еще ему вне суцу предель Руския земля, **самохотне повинущася** вси, идолу суцу, яко царю, поклонишася...*¹⁸.

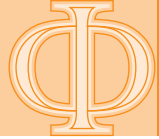
В повестях также описываются и сомнения в истинности царевича. Контексты, описывающие движение самозванца к царствующему городу, часто включают в себя ментальную семантику: *размышление, мневшие, въ уме себе внимали, начаша думати*.

Сомнение в правильности выбора (к каким войскам присоединяться – царевича Дмитрия или правительственным) рождало смятение, колебание, громкие споры в народе, что отмечалось во многих текстах. Авторы описывают разделение людей на группы в зависимости от состояния их души.

Сочетания сомнения и страха являются регулярными при описании эмоционального состояния общества. По мнению князя Хворостинина, именно смятение и страх всех людей допустили появление на царском престоле самозванца.

¹⁷ Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского по второй редакции // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 567.

¹⁸ Временник Ивана Тимофеева // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 367.

Описание страха перед еретикомъ беззаконнымъ, когда он уже оказался в Москве, становится более интенсивным: *необычной страхъ, страхъ и смерть предо очима бяше, и словомъ изреци не возможно.*

Также используются традиционные тавтологические формулы *ужаснулись великимъ ужасомъ*, парные наименования *страха ради и великие нужды, во удивлении быша и ужасе*. Страх и ужас вызывают прежде всего действия самозванца против православной веры и церкви: *разорение на крестьянское государство и на православную веру*. Описания низвержения самозванца с престола насыщены идеями борьбы за истинную православную веру:

(14) *Многие распалишася неопальнымъ огнемъ и желаннымъ сердцемъ поревноваша по Божией той дерзости, многие касахуся пострадати по Христе и хотящи умрети за истинну и за благочестие*¹⁹.

Как одно из важных событий в истории сопротивления еретической власти на Руси воспринимается борьба будущего патриарха Гермогена с самозванцем – нарушителем православных традиций и обычаев. В повести князя Катырева-Ростовского рассказывается, что *патриархъ Ермогенъ отъ Ростриги в заточении бысть*, поскольку *бесстрашными словесами* обвинял самозванца за его желание жениться на Маринке, *ибо не достоинъ православному христианину отъ иноплемennыхъ жену себе поняти*. Книжник подчеркивает стойкость и бесстрашие Гермогена:

(15) *И много ему бысть отъ оного Ростриги прещения смертнаго и жестокыхъ словесъ; онъ же, яко крепкий поборникъ, никакo сего ужасеся*²⁰.

Такие эпизоды открытого противоборства сначала редки. Напротив, как уже говорилось, существует большое количество высказываний, описывающих страхи всех людей. Самозванец, демонстрирующий в начале своего появления в Москве добрую волю, впоследствии так же, как и Борис, начинает использовать свои меры по устрашению.

Преодоление страха начинается с осознания, что царь – самозванец. В текстах вместе с понятием страха появляются понятия, связанные с *истиной, знанием, пониманием, осознанием, веданием*. Многие книжники указывают, что некоторые сразу понимали, что перед ними не «прямой» царевич, но молчали из-за страха.

Как известно, Отрепьев сначала совершил ряд действий, демонстрирующих восстановление справедливости и правды, вернул из ссылки боярские роды Нагих, Романовых, Головиных, пожаловал имения и т.п. [Ульяновский, 2006, с. 153–185]. В текстах, благожелательно относящихся к Василию Шуйскому,

¹⁹ Сказание о царстве Федора Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 816.

²⁰ Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского по второй редакции // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 583.

присутствуют оправдательные мотивы в рассказе о Шуйском, который сначала поверил самозванцу, в отличие от других, знавших и молчавших *страха ради*.

Но позднее, особенно после венчания самозванца и Марины Мнишек в Москве, процесс понимания истины у русских людей усиливается, они *стали вознаваться, начаши думати, совещаються, другъ со другомъ спрашиваються, кто его знаетъ*. Осознание истины вызывало чувства удивления и ужаса, изумления и страха.

Разоблачение законопреступника Гришки Отрепьева произошло, когда Василий Шуйский *по действию Святаго Духа узревши сердечными очима сущего еретика* и начал об этом *велегласно глаголати и проклятую его ересь обличати*. В Сказании о царстве показано, что чувство страха у людей было преодолено в момент коллективного узнавания:

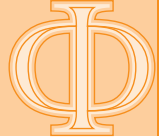
(16) *И тогда по боярскому обличению многие людие доразумешася и его окаяннаго узнаша*²¹.

Выводы. Таким образом, авторы исследования пришли к заключению, что страх божий и страх царский имеют разные смыслы, но принципиально связаны друг с другом. Оказывается, что в системе властных представлений православного царства важным фактором поддержания устойчивости сообщества является благочестие царя, а страх перед благим властителем имеет положительные коннотации. Страх же перед неблагим властителем, проявляющийся прежде всего в «молчании» окружающих, с одной стороны, осуждается книжниками, с другой – оправдывается вследствие жестоких действий со стороны царей. Но в итоге такой страх поощряет распад единства страны. И Борис Годунов, и Лжедмитрий использовали страх как систему управления, но «Борисов» страх и страх перед *воромъ* и *еретикомъ* имели различные оттенки.

Кроме того, состояние страха перед правителем в текстах повестей представлено книжниками характерным для всех слоев населения, при этом описания касаются не «всех людей», а в основном затрагивают ближайшее окружение правителей, т.е. различные боярские роды. В отличие от «царского» страха, страх перед иноземными врагами, перед различными внутренними врагами, разбоем, голодом и другими бедами был действительно всеобщим и касался всех православных людей Русского царства.

Анализ высказываний, включающих в себя эмотивы страха, характеристика экспликации ценностей авторов древнерусских текстов приводят авторов данной статьи к мыслям о сущности коммуникативно-прагматических устремлений книжников – обнажить благо страха Божьего для персоны и общества, обличить страх перед неблагим как деструктивный фактор для страны и людей. Все же риторические смыслы контекстов с ситуацией страха побуждают читателя избегать неблагого страха, сохраняя страх Божий.

²¹ Сказание о царстве Федора Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 814.

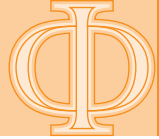
Список источников

1. Временник Ивана Тимофеева // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 261–472.
2. Житие царевича Димитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Германа Тулупова // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 899–922.
3. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. 592 с.
4. Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 187–218.
5. Повести князя Семена Ивановича Шаховского // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 837–876.
6. Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского по второй редакции // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 625–712.
7. Сказание о царстве Федора Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 755–836.
8. Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына... // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 473–524.

Библиографический список

1. Адрианова-Перетц В.П. К вопросу об изображении «внутреннего» человека в русской литературе XI–XIV вв. // Вопросы изучения русской литературы XI–XX вв. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 15–24.
2. Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: Издательский центр РГГУ, 2009. 427 с.
3. Антропология страха: матер. конф., Санкт-Петербург, 17–18 мая 2019 г. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2019. 144 с.

4. Берман Б.И. Читатель жития // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 159–183.
5. Богатырев А.В. «Зело призрашно...»: страх и родственные ему чувства на страницах источника XVII столетия // Славянский мир: общность и многообразие: тезисы конф., 13–14 октября 2020 г. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2020. С. 14–22.
6. Борисова С.А. Концепт страха в Толковой Палее // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 5. С. 96–111. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-5-96-111. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43782735>
7. Буряков М.А. Происхождение и развитие эмотивного значения. М.: Перо, 2024. 420 с.
8. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. 368 с.
9. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.
10. Гришин А.А. Нравственное значение ужаса // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право. 2015. № 20 (217). Вып. 34. С. 128–132. URL: https://bsuedu.ru/upload/iblock/912/№20_217_выпуск_34_2015.pdf
11. Гришин А.А. Феномен ужаса: этико-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2015. 152 с.
12. Дмитриева Е.Г. Эмотивная лексика как средство выражения аксиологических смыслов в житийном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2024. Т. 23, № 4. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4>
13. Дробленкова Н.Ф. «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 239 с.
14. Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Тип. Данилова монастыря, 2013. 592 с.
15. Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронические аспекты (с привлечением материала славянских языков): дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2006. 556 с.
16. Колесов В.В. Мир человека средневековой Руси. М.: Академический проект, 2019. 659 с.
17. Лихачев Д.С. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. VIII. С. 218–234.
18. Михайлова Т.В., Михайлов А.В. Эмоциональные предикаты «радоваться» и «веселиться» в древнерусских текстах потестарной семантики // Сибирский филологический форум. 2024. № 3 (28). С. 41–52. DOI: 10.24412/2587-7844-2024-3-41-52

19. Пустовойт Ю.В. От страха Божия до боязни: семантический диапазон «страха» в памятниках древнерусской письменности // Культурологический журнал. 2017. № 3 (29). С. 20–23. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/415.html&j_id=32
20. Солодкин Я.Г. «Восхищения» Московского престола в канун и начале Смуты (Иван Тимофеев об одном из последствий «безсловесного молчания его современников») // Novogardia. 2021. № 1. С. 165–180. URL: <http://novogardia.info/index.php/1k/issue/view/9/9>
21. Туфанова О.А. «Девiantiный» текст в историческом повествовании Древней Руси: к постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы. 2024. № 23. С. 265–302. DOI: 10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265–302
22. Туфанова О.А. Древнерусская литература о Смутном времени как художественный феномен. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 576 с. DOI: 10.22455/ 9785920806055
23. Ульяновский В.И. Смутное время. М.: Европа, 2006. 447 с.
24. Яковлев А.И. «Безумное молчание» (Причины Смуты по взглядам русских современников ее): сб. ст., посв. В.О. Ключевскому. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1909. С. 651–678.

Сведения об авторах

Михайлова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: ta.rada@mail.ru

Михайлов Алексей Валерианович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

'FEAR OF GOD' AND 'FEAR OF THE TSAR' IN THE TEXTS OF THE STORIES OF THE TIME OF TROUBLES

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

A.V. Mikhaylov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

This article examines constructions with the semantics of fear of the tsar's authority and God based on the material of Old Russian stories from the Time of Troubles.

The purpose of the article is to study the representation of the concepts of fear of God and the tsar (before the tsar and the tsar himself) in Old Russian texts and identify their evaluative, communicative-pragmatic, and rhetorical meanings.

The review of the scientific literature includes the following studies: [Grishin, 2015; Pustovoyt, 2017; Antonov, 2009; Bogatyrev, 2020; Adrianova-Peretz, 1958; Berman, 1982; Likhachev, 1951; Kolesov, 2019, etc.].

Methodology (materials and methods). The research methods include semantic analysis of evaluative statements containing emotives expressing fear, as well as analysis and explication of the values of the authors of Old Russian texts through the study of communicative-pragmatic and rhetorical meanings expressed in the narratives of the Time of Troubles.

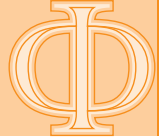
Research results. The following types of fear are identified: fear of God; fear of the tsar; fear, trembling and horror during visions; fear of foreign invaders and internal enemies; fear arising as a result of various calamities. The study is conducted using the method of situational analysis. The texts of the stories from the Time of Troubles examine situations of fear, characterize the types of fear depending on the subject experiencing it, the object that is the source of the fear, and the causes and consequences of fear.

Conclusions. The analysis leads to the conclusion that the fear of God and the fear of the ruler have different meanings, but they are related to each other. The fear of a benevolent ruler has positive connotations. The fear of an unbenevolent ruler (manifested in the 'silence' of those around) is condemned by the scribes and justified by them as a result of the cruel actions of the kings. The scribes present the fear of the ruler as characteristic of the entire population, but mainly of the rulers' closest circle. Unlike the 'tsar' fear, the fear of foreign enemies, of various internal enemies, of banditry, famine, and other misfortunes was truly universal and affected the entire Russian realm.

Keywords: *texts of the Tales of the Time of Troubles, fear of God, fear of the tsar, evaluative predicates, constructions with the semantics of fear, situations of fear.*

List of sources

1. A new story about the glorious Russian Kingdom and the great state of Moscow. In: *Monuments of ancient Russian writing related to the Time of Troubles* / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg, Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodova, 1891, 187–218.
2. The Legend of the siege of the Trinity-Sergius Monastery of Avraamiy Palitsyn... In: *Monuments of ancient Russian writing related to the Time of Troubles* / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891, 473–524.

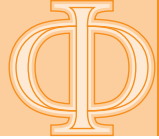

3. The Chronicles of Ivan Timofeev. In: *Monuments of ancient Russian writing, dating back to the Time of Troubles* / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891, 249–260.
4. The Tale of Prince Ivan Mikhailovich Katyrev-Rostovsky in the Second Edition. In: *Monuments of ancient Russian writing, dating back to the Time of Troubles* / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891, 625–712.
5. Kolesov V.V. *Slovar` russkoj mental`nosti. v dvux tomax* [Dictionary of Russian mentality. in two volumes]. St. Petersburg, Zlatoust, 2014, 2, 592 p.
6. The Life of Tsarevich Dmitry Ivanovich, included in the Menaion of Herman Tulupov. In.: *Monuments of ancient Russian writing, dating back to the Time of Troubles* / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891, 899–922.
7. The story of a certain battle against Great Russia. In: *Monuments of ancient Russian writing, dating back to the Time of Troubles* / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891, 249–260.
8. The Tale of Prince Ivan Andreevich Khvorostinin. In: *Monuments of ancient Russian writing, dating back to the Time of Troubles* / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891, 525–588.

References

1. Adrianova-Perets V.P. K voprosu ob izobrazhenii «vnutrennego» cheloveka v russkoj literature XI–XIV vv. [Russian Russian literature on the image of the “inner” man in the 11th–14th centuries. In: *Voprosy` izucheniya russkoj literatury` XI–XX vv.* [Issues of the study of Russian literature of the 11th–20th centuries]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1958, 15–24.
2. Antonov D.I. *Smuta v kul`ture srednevekovoj Rusi: e`volyuciya drev-nerusskix mifologem v knizhnosti nachala XVII veka* [The Turmoil in the culture of Medieval Russia: the evolution of Ancient Russian mythologies in the early 17th century]. Moscow, Russia, 2009. 427 p.
3. Antropologiya strakha [Anthropology of Fear]. Mater. konf., Sankt-Petersburg, 17–18 maya 2019. St. Petersburg: Evropeysky universitet v Sankt-Peterburge, [Anthropology of Fear]: mater. conf., St. Petersburg, May 17–18, 2019. St. Petersburg, 2019. 144 p.
4. Berman B.I. Chitatel' zhitiya [The Reader of the Life. In: *The Artistic Language of the Middle Ages*]. In: *Hudozhestvennyj yazyk srednevekov'ya* [The artistic language of the Middle Ages]. Moscow, Nauka, 1982, 159–183.
5. Bogatyrev A.V. “Zelo pristrashno...”: strah i rodstvennye emu chuvstva na stranicah istochnika XVII stoletiya [“It’s terrifying...”: fear and related feelings on the pages of a 17th-century source]. In: *Slavyanskij mir: obshchnost`*

- i mnogoobrazie [The Slavic World: Community and Diversity]. Tezisy konf., 13–14 oktyabrya 2020. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, 2020, 14–22.*
6. Borisova S.A. *Koncept straha v Tolkovoj Palee [The Concept of Fear in the Explanatory Paley]. In: Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. YAzykoznanie. Kul'turologiya [RGGU Bulletin. Series "Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies"]*. 2020, 5, 96–111. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-5-96-111. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43782735>
 7. Buryakov M.A. *Proiskhozhdenie i razvitie emotivnogo znacheniya [The origin and development of emotive meaning]*. Moscow, Pero, 2024. 420 p.
 8. Waldenberg V.E. *Drevnerusskie ucheniya o predelach tsarskoj vlasti: Ocherki russkoj politicheskoy literatury` ot Vladimira Svyatogo do konca XVII veka [Ancient Russian Teachings on the Limits of tsarist Power: Essays on Russian Political Literature from Vladimir the Saint to the End of the 17th Century]*. Moscow, Territory of the Future Publishing House, 2006. 368 p.
 9. Vendina T.I. *Srednevekovyj chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyka [The medieval man in the mirror of the Old Slavic language]*. Moscow, Indrik, 2002. 336 p.
 10. Grishin A.A. *Nravstvennoe znachenie uzhasa [The moral significance of horror]*. In: *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser.: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. [Scientific Bulletin of BelSU. Ser. Philosophy. Sociology. Right]*, 2015, 20 (217), 128–132. URL: https://bsuedu.ru/upload/iblock/912/No.20_217_issue_34_2015.pdf
 11. Grishin A.A. *Fenomen uzhasa: etiko-filosofskij analiz: diss. ... kand. filos. Nauk [The phenomenon of horror: an ethical and philosophical analysis: diss. ... PhD in Philology. Sciences]*. Ivanovo, Ivanovskij gosudarstvenny`j universitet, 2015. 152 p.
 12. Dmitrieva E.G. *E`motivnaya leksika kak sredstvo vy`razheniya aksiologicheskix smy`slov v zhitijnom tekste [Emotive vocabulary as a means of expressing axiological meanings in a hagiographic text]*. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazy`koznanie [Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 2: Linguistics]*, 2024, 23, 4, 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4>
 13. Droblenkova N.F. *“Novaya povest` o preslavnom Rossijskom czarstve” i sovremennaya ej agitacionnaya patrioticheskaya pis`mennost` [“A new tale of the glorious Russian Kingdom” and its modern propaganda patriotic writing]*. Moscow, Leningrad, Nauka, 1960. 239 p.
 14. Ioann Lestvichnik. *Lestvitsa [St. John of the Ladder. The ladder]*. Sergiev Posad, St. Sergius Lavra Monastery, 1908. 92 p.
 15. Kalimullina L.A. *Semanticheskoe pole e`motivnosti v russkom yazy`ke: sinxronny`j i diaxronicheskie aspekty` (s privilecheniem materiala slavyanskix yazy`kov): diss. ... d-ra filol. nauk [Semantic field of emotivity in the Russian language: synchronous and diachronic aspects (using the material of Slavic languages): diss. ... Doctor of Philology Sciences]*. Ufa, 2006. 556 p.

16. Kolesov V.V. *Mir cheloveka srednevekovoј Rusi* [The human world of medieval Russia]. Moscow, Academic Project, 2019. 659 p.
17. Likhachev D.S. *Problema xaraktera v istoricheskix proizvedeniyax nachala XVII v. [The problem of character in historical works of the early 17th century]*. In: *Trudy otdela drevnerusskoј literatury [Proceedings of the Department of Ancient Russian literature]*, Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951, VIII, 218–234.
18. Mikhaylova T.V., Mikhaylov A.V. *Emotionalnye predikaty “radovatsya” i “veselitsya” v drevnerusskix tekstax potestarnoj semantiki [Emotional predicates ‘rejoice and have fun in ancient russian texts of potestar semantics]*. In: *Sibirskij filologicheskij forum [Siberian Philological Forum]*, 2024, 3 (28), 41–52. DOI: 10.24412/2587-7844-2024-3-41-52
19. Pustovoit Yu.V. *Ot straxa Bozhiya do boyazni: semanticheskij diapazon “straxa” v pamyatnikax drevnerusskoј pis’mennosti [From the fear of God to fear: the semantic range of “fear” in the monuments of Ancient Russian writing]*. In: *Kul’turologicheskij zhurnal [Cultural Journal]*, 2017, 3(29), 20–23. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/415.html&j_id=32
20. Solodkin Ya.G. “Vosxishheniya” Moskovskogo prestola v kanun i nachale Smuty` (Ivan Timofeev ob odnom iz posledstvij “bezslavesnogo molchaniya ego sovremennikov”) [“Raptures” of the Moscow Throne on the eve and beginning of the Troubles (Ivan Timofeev on one of the consequences of the “wordless silence of his contemporaries”)]. *Novogardia [Novogardia]*, 2021, 1, 165–180. URL: <http://novogardia.info/index.php/1k/issue/view/9/9>
21. Tufanova O.A. “Deviantny`j” tekst v istoricheskom povestvovanii Drevnej Rusi: k postanovke problemy` [“Deviant” text in the historical narrative of Ancient Russia: towards a problem statement]. In: *Germenevtika drevnerusskoј literatury [Hermeneutics of Ancient Russian Literature]*, 2024, 23, 265–302. DOI: 10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302
22. Tufanova O.A. *Drevnerusskaya literatura o Smutnom vremeni kak hudozhestvennyj fenomen. [Ancient Russian literature about the Time of Troubles as an artistic phenomenon]*. Moscow, 2019. DOI: 10.22455/9785920806055
23. Ulianovskiy V.I. *Smutnoe vremya [Time of Troubles]*. Moscow, 2006.
24. Yakovlev A.I. “Insane silence” (The causes of the Troubles according to the views of her Russian contemporaries). In: *Collection of articles dedicated to V.O. Klyuchevsky*. Moscow, 1909, 651–678.

About the authors

Mikhailova, Tatyana V. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Public Relations, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ta.rada@mail.ru

Mikhailov, Alexey V. – PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Public Relations, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: avm_2006_64@mail.ru